

Елена Малиновская

ЧАСТНАЯ МАГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. ЛИЦЕНЗИЯ

ЧАСТНАЯ МАГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. ЗАГОВОР

ПОСОБИЕ ДЛЯ ЛЕНИВОГО СТУДЕНТА

ВЕДЬМА ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ

АРХИВНАЯ ВЕДЬМА

ДНЕВНИК ПАКОСТЕЙ,
ИЛИ КАК ВЛЮБИТЬ В СЕБЯ НЕКРОМАНТА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Елена Малиновская

ДНЕВНИК ПАКОСТЕЙ,
или Как влюбить в себя некроманта

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М19

Серия основана в 2011 году
Выпуск 546

Художник
Е. Никольская

Малиновская Е. М.

М19 Дневник пакостей, или Как влюбить в себя некроманта:
Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. —
281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3114-4

Когда-то я едва не попала на оказании магических услуг населению без оформленного на это разрешения. Мало того, увела выгодный заказ у одного из руководителей магического надзора. Что же, он отомстил мне за это, влепив незаслуженную тройку на государственном экзамене по начертательной магии. И вот спустя год мы встретились вновь. На сей раз он... выиграл меня в карты! И потребовал провести с ним ночь. Вот же нахал! Ну что же, я обязательно выскажу ему в лицо все, что думаю. И пусть готовится к череде пакостей с моей стороны. Потому что я, Эсми Эрвиш, вышла на тропу войны!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Малиновская Е. М., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3114-4

Часть первая

ВЫИГРЫШ С ХАРАКТЕРОМ

ГЛАВА 1

— Прости, я проиграл тебя в карты.

Я едва не прыснула во все стороны вином, потому что как раз сделала хороший глоток. Осторожно поставила бокал на стол и внимательно посмотрела на своего жениха.

Наверное, он так неудачно пошутил. В таком случае он узнает много нового о своем более чем сомнительном чувстве юмора.

Чарльз Глог виновато захлопал ресницами, глядя на меня взглядом побитого щенка.

Ах, как он был хорош в этот момент! Даже каменное сердце не устояло бы от проникновенного взгляда прозрачных голубых глаз, окаймленных длинными густыми ресницами. А белокурые волосы, аккуратными волнами падающие на плечи, так и хотелось взъерошить.

Правда, внешность моего ненаглядного внезапно стала казаться мне слишком приторной и жеманной.

«Девчонка он какой-то, — как-то само собой вспомнился недовольный голос моего домового, который Чарльза по неведомой мне причине невзлюбил с первого взгляда. Впрочем, тот отвечал ему взаимностью. — Того и гляди, что разрыдается, если толкнешь посильнее».

— Что ты сделал? — нарочито спокойным голосом осведомилась я, все еще надеясь, что стала жертвой в высшей степени неудачного розыгрыша.

А в следующее мгновение Чарльз вдруг пал предо мной на колени. И зарыдал в полный голос, схватившись руками за волосы.

Свои, понятное дело. Ишь как терзает, пытаюсь вырвать клок поприличнее. Даже удивительно, поскольку я знала,

с какой щепетильностью Чарльз относился к уходу за своей шевелюрой. Шампуней, бальзамов и масок для этого дела у него было намного больше, чем у меня.

— Прости меня! — провыл он и с упоением принялся биться лбом о пол. — Прости меня, родная моя, хорошая! Я виноват! Будь проклят тот миг, когда я сел за стол с этим обманщиком и шулером! Будь проклят тот час, когда я появился на свет! Будь проклят тот день, когда я в первый раз взял в руки карты.

— Смотри-ка, головой как бьется, а ладонь не забыл подложить, чтобы шишку не набить, — язвительно шепнул мне на ухо Ведогон, и я ощутила на плечах невидимую приятную тяжесть. Видимо, домовой так заинтересовался происходящим, что поторопился вылезти из своего угла, где постоянно прятался, стоило Чарльзу лишь пересечь порог моего дома.

Как я ни была ошарашена происходящим, но все же заметила, что Ведогон говорит правду. Рука Чарльза действительно заботливо оберегала его лоб от жесткого столкновения с полом.

— Я так виноват передо мной! — Чарльз всхлипнул в последний раз и поднял голову. Уставился на меня огромными лучистыми глазами, в которых красиво переливались прозрачные слезы.

Эх, и почему я так плакать не умею? Если я заплачу, то мгновенно превращусь в самое страшное чудовище с заплавшими глазенками и распухшим красным носом. Честное слово, такую жуть скорее добьешь из жалости, чем попытаешься утешить. А вот Чарльза так и хотелось обнять и приглубить, лишь бы не расстраивался больше.

Пауза несколько затягивалась. Чарльз смотрел на меня и явно ожидал какой-нибудь реакции. Но что я могла сказать или сделать? Пока ситуация напоминала какой-то фарс. Дурно разыгранную комедию. Но смутная догадка о причинах происходящего у меня уже появилась. Если я права, то... О, даже не знаю, что я тогда сделаю! Но стоит поблагодарить Чарльза за то, что он не стал устраивать прилюдных сцен, а дотерпел до дома. То-то он был таким задумчивым и печальным, когда мы покинули ресторан, в котором провели чудесный романтический вечер.

По всей видимости, последний вечер для нашей пары.

— Я виноват — мне и отвечать! — решительно провозгласил Чарльз и хмуро сдвинул брови. — Я покончу с собой, моя дорогая! Покину этот мир, потому что только смерть смоет мой позор.

И опять замолчал, выжидающе глядя на меня.

Ах, ну да. Наверное, я должна возопить нечто вроде: «О нет, только не это!» И зарыдать вместе с ним в унисон.

Но, как я уже сказала, красиво плакать я не умела. И потом, у меня глаза накрашены.

— Давай-ка начнем сначала, — спокойно проговорила я, хотя внутри все кипело от негодования. — Что все это значит?

Чарльз вместо ответа опять зарыдал. Закрыв лицо руками, самозабвенно всхлипывая.

Это было... жалкое зрелище. Нет, я не придерживалась общепринятого мнения о том, что настоящие мужчины не должны плакать. По-моему, слезы — это отличный способ выплеснуть накопившиеся негативные эмоции. Держать все беды и горести в себе — не самая лучшая идея. Эдак и до инфаркта недалеко, поскольку сердца-то у всех одинаково устроены, рвать их эмоциями — далеко не лучшая идея. Но... при всем при этом я была твердо уверена в том, что подобные выплески чувств необходимо производить только в полном одиночестве. Сама не раз практиковала подобное. Иногда просто необходимо запереться дома и хорошенько поговорить над превратностями судьбы.

Я неторопливо встала и отошла к столику, сервированному для продолжения столь приятного вечера. Поставила на него бокал, взяла в руки хрустальный графин. А потом, неслышно ступая, вернулась к Чарльзу. И выплеснула воду ему на голову.

— Что ты делаешь?! — Чарльз мгновенно вскочил на ноги. Затряс мокрыми волосами, глядя на меня круглыми от изумления глазами.

— Рассказывай! — сухо потребовала я. — И без истерики. Иначе ведь и чарами какими врежу.

Чарльз с опаской покосился на мою руку, пальцы которой окутали серебристые чары. И затараторил, от спешки глотая слова.

— Это тот тип виноват, — выпалил он на одном дыхании. — Я не хотел играть, честное слово! Но ты отошла в уборную комнату. Тебя так долго не было! Я заскучал. Увидел, как за соседним столиком этот гад тасует колоду. И так неловко у него это получалось. Сразу видно — профан полный. Ну я и подумал...

После чего замолчал, явно решив, что сказал достаточно.

Я нахмурилась, обдумывая услышанное. Так, картина вырисовывается пока ну очень неприглядная. Сдается, мои подозрения оправдываются.

Потому что в уборной я задержалась отнюдь не по своей воле. Сначала заело защелку, да так, что мне пришлось воспользоваться магией. Потом около зеркала, где собиралась поправить макияж, я столкнулась с какой-то непонятной девицей, вцепившейся в меня, словно клещ. Уйму времени потеряла, пытаюсь отделаться от нее. Наверное, стоило сразу уйти, но она схватила меня за руку и трещала как сорока, уверяя, будто когда-то мы учились вместе. Хорошие манеры не позволяли мне грубо оттолкнуть ее, а все мои слова девица просто пропускала мимо ушей. Самое удивительное, что отвязалась от меня она так же резко, как и прицепилась. Внезапно буркнула, что обозналась, извинилась и буквально выбежала прочь из уборной.

— Ты обещал мне никогда больше этого не делать, — напомнила я, когда пауза слишком затянулась. — Или забыл, как в прошлый раз проиграл целое состояние?

— Ну... — Чарльз виновато потупился. — Эсми, мне так стыдно, что пришлось занять у тебя денег! Я дал слово, что верну тебе долг как можно скорее. И поэтому...

— Поэтому опять сел за игру? — с сарказмом оборвала я его невнятные оправдания.

— Я был уверен, что передо мной простофиля! — выкрикнул чуть ли не в полный голос Чарльз. — Да у него карты постоянно из рук падали, не мог толком перемешать. Я подсел к нему. Предложил партию, пока тебя нет. Естественно, сразу на большую сумму играть не стал. Но первую я выиграл вообще без проблем. Этот тип разволновался, раскраснелся. И захотел отыграться. И я... я...

— Ты согласился, — хмуро сказала я.

— А что мне еще оставалось? — Чарльз опять тоненько всхлипнул. — Он предложил такую сумму, что я отдал бы тебе долг. Да что там, раздал все свои долги...

И осекся, сообразив, что сболтнул лишнего.

— Какие такие долги? — Я нехорошо сощурилась, глядя на Чарльза в упор. — Помнится, месяц назад я выкупила все твои закладные. Мы вдвоем сожгли их в камине. И ты поклялся мне честью, что больше никогда не сядешь за карточный стол!

Чарльз ссутулился, как-то сразу став меньше ростом. Тяжело опустился передо мной на колени и вновь зарыдал, закрыв лицо ладонями.

Я опять отошла к столику. Поставила на него опустевший графин, не мудрствуя лукаво подхватила початую бутылку вина и сделала несколько хороших глотков прямо из горла.

Прав был Ведогон. Ох, как бушевал домовой, когда услышал, что я пожертвовала практически все состояние, полученное в наследство после гибели родителей, на выплату долгов Чарльза! Как он кричал, что тем самым я лишь подкинула дров в жарко бушующее пламя пагубной страсти своего жениха! Демон азарта, живущий в душе игрока, никогда не угомонится. Несчастный до конца дней своих будет обречен слышать искушающий шепоток. Мол, одна партия. Всего одна! Теперь-то все будет иначе. Теперь-то расчеты оправдаются. Нельзя проигрывать вечно. Рано или поздно удача улыбнется тебе.

Возможно, кому-то она и улыбалась. Точнее, даже не так. Любой выигрыш служил лишь очередной ступенькой в бездну. Легкие деньги жгут руки, заставляя ставить опять и опять. И в итоге быстро уходят песком сквозь пальцы. Но самое страшное — влекут за собой новые и новые долги.

— Я не хотел тебя расстраивать, — глухо прошептал в этот момент Чарльз. — Но пойми, мне было невыносимо жить, зная, сколько ты потратила на меня. Ты даже фамильное кольцо матери продала. И я мечтал, что выкуплю его. Это был бы превосходный подарок на нашу свадьбу.

— Отличный план! — Я горько усмехнулась. — Ну и где это кольцо?

Чарльз ничего не ответил. Да и что он мог сказать? Лишь опять тяжело завздохал.

— Что было дальше? — сухо спросила я. — Полагаю, вторая партия оказалась для тебя не столь удачной, так?

— Да, — так тихо, что мне пришлось напрячь весь свой слух, обронил Чарльз. Продолжил, с каждым словом все повышая и повышая голос, пока не сорвался на крик: — Я... Мне попался практически беспроегранный расклад. Два туза и король! Его невозможно перебить. Просто невысказано!

— Но перебили, так? — поморщившись, уточнила я.

— Я не поверил глазам, Эми. — Чарльз не удержался и застонал. — Этот тип... У него тоже было два туза. И джокер. Я чуть в обморок не упал, когда он выложил карты на стол. Я был разорен, понимаешь? Целиком и полностью. Долговая тюрьма ждала меня. Даже ты не сумела бы спасти меня на этот раз.

— Поэтому ты решил сыграть на меня. — Я криво ухмыльнулась. — Верно?

— Не совсем так. — Чарльз осторожно растопырил пальцы и кинул на меня опасливый взгляд. — Это он предложил такой выход. Мол, ваша спутница так хороша собой. Поэтому одна ночь с тобой — и он забудет о моем проигрыше.

— И ты согласился, — с презрением обронила я.

— Я... я... — Чарльз снова распластался на полу и завыл что-то невразумительное.

Я отошла к окну. Сцепила за спиной руки, уставившись в чернильный мрак сада, прилегающего к крыльцу моего дома.

Рыдания Чарльза не трогали меня. Я столько раз вытаскивала его из передрыг, столько раз платила по счетам, столько выслушала клятв, что больше не верила самым горячим слезам. Надо было уходить еще после первой подобной сцены. Чарльз тогда тоже валялся у меня в ногах и прощался навек. После того момента прошло полгода. И за это время подобное поведение превратилось для него в настоящую дурную привычку.

— Я тебя предупреждал, — пробормотал мне на ухо Ведогон. — Подобные люди неисправимы. Стоило ли из-за этого ничтожества продавать драгоценности твоей матери?

Я недовольно повела плечами, но домовой и не подумал спрыгивать с них.

Если честно, я не жалела о том поступке. Вернись я сейчас в прошлое — все равно бы поторопилась избавиться от своего так называемого наследства. Конечно, Чарльз бы тогда не получил от меня и гроша. Намного разумнее и правильнее с моей стороны было бы пожертвовать деньги в пользу какого-нибудь сиротского приюта.

— Я покончу с собой, — в этот момент решительно заявил Чарльз.

В отражении стекла я увидела, как он тяжело поднялся на ноги. Устал, поди, валяться. И заволновался, осознав, что на сей раз я не тороплюсь утешить его.

— Сейчас же, немедленно! — С этими словами Чарльз подскочил к столику. Схватил в руки нож для фруктов и замер, приложив его к запястью. Патетично провозгласил: — Прости меня, любимая! Только моя кровь смоем мой позор!

Ну да, конечно. В этом весь он. Нет чтобы подумать, что тем самым окончательно испортит мне жизнь. Еще не хватало с полицией разбираться. Да и ковер в гостиной светлый. Замучаешься оттирать. А впрочем, это опять позерство. Сильно сомневаюсь, что у Чарльза хватит духа на такой поступок.

— Эсми, ты даже не помотришь на меня? — Голос Чарльза обиженно дрогнул. — Любимая, позволь мне в последний раз насладиться твоим образом!

Я нехотя обернулась. Смерила Чарльза усталым равнодушным взглядом.

— Ты мне ничего не хочешь сказать? — после короткой паузы осведомился он. — Эсми...

— Ты подписал какую-то бумагу или долговую расписку? — перебила его я.

— Нет... — Чарльз мотнул головой. С робкой надеждой спросил: — А что, предлагаешь плюнуть на этого типа? Доказательств-то проигрыша нет никаких! — Не дождавшись моего ответа, тут же понурился и прошептал: — Нет, не получится. Эсми... я... я боюсь его. Он сказал, что не сомневается в моей порядочности. И если через пару часов ты не будешь стоять на его пороге, то... то...

Опять жалобно скуксился, и нож, который он держал приложенным к своему запястью, мелко задрожал.

— Господин Норвуд Эксберри умеет взysкивать свои долги, — холодно обронила я.

При звуках этого имени Чарльз побледнел. Гулко сглотнул, и нож с тихим звяком выпал из его рук.

— Господин Норвуд Эксберри? — неверяще прошептал он. — Тот самый?..

Я неторопливо прошлась по комнате. Мне следовало насторожиться, когда я увидела этого некроманта за соседним столиком. Точнее, даже не так. Я-то как раз насторожилась, перехватив знакомый насмешливый взгляд темно-синих глаз. Норвуд вежливо кивнул мне, привстав со стула, но я предпочла проигнорировать его приветствие. Надо было сразу понять, что это ловушка. И немедленно уйти прочь, прихватив с собой недотепу Чарльза. Но... Внезапно я разозлилась. С какой стати, собственно, мне портить себе запланированный вечер? Не могу ведь я до конца дней своих избегать этого наглого беспринципного некроманта! Эдак и параноиком недолго стать.

Да уж. Правильно говорил мой отец: «Не торопись списывать на манию преследования чувство, будто за тобой постоянно следят. Иногда так оно и есть».

Но какой злопамятный все-таки этот Норвуд! Без малого год прошел, как я влепила ему пощечину. Между прочим, влепила за дело. Неужели теперь он решил отыграться за нее?

— Ты знаешь его? — спросил Чарльз.

— Увы, — коротко обронила я. — Сталкивались когда-то.

— Так, может, ты договоришься с ним как-то? — Чарльз умоляюще сложил на груди руки. — Эсми, пожалуйста, прощу... Ну помоги мне! В последний раз! Я больше никогда и ни за что...

За окном громыхнуло. Ветвистая сиреневая молния разрежала низкие грозовые тучи. Мгновение, другое — и по листе ударили первые крупные капли дождя.

Как быстро, однако, испортилась погода. Когда мы возвращались из ресторана, был погожий летний вечер. И лишь на самом горизонте темнела быстро сгущающаяся дымка.

Чарльз еще что-то бормотал за моей спиной. Опять подобрал нож, но я больше не вслушивалась в его жалкий лепет. В ослепительных отблесках небесного огня я неожиданно увидела карету, которая стояла за воротами моего дома. Надо же. Господин Норвуд был настолько любезен, что прислал за мной кучера. Должно быть, не сомневается, что я не брошу Чарльза на произвол судьбы.

Ну что же. В таком случае он глубоко ошибается. И я буду не я, если не выскажу ему это прямо в лицо!

— Эми, куда ты? — встревоженно выкрикнул Чарльз, когда я отправилась прочь из гостиной.

— В гости, — сухо обронила я.

— Эми, неужели?.. — Чарльз задохнулся от восторга. Кинулся было обнять меня, но я осадила его взглядом.

— Чтоб ноги твоей тут не было, когда я вернусь, — процедила я. Повысила голос, обращаясь к домовому: — Ведогон, слышишь? Проследи, чтобы этот господин освободил мой дом от своего присутствия и вещей в течение часа. В противном случае разрешаю тебе прибегнуть к силе.

— Эми! — Чарльз быстро-быстро захлопал ресницами. — Ну что ты, Эми? Я понимаю, ты злишься на меня. Но...

— Час, — напомнила я, глядя на бывшего возлюбленного в упор. — И ни минутой больше. Понял?

Чарльз опять было попытался рухнуть на колени, но я выскочила в прихожую и отправилась на свидание с господином некромантом.

ГЛАВА 2

— Разверзлись хляби небесные, — задумчиво пробормотала я, глядя на бесконечные потоки воды, заливавшие окно кареты.

Дождь лил такой силы, что я мгновенно вымокла до нитки, пока преодолела короткое расстояние между крыльцом своего дома и воротами, за которыми меня дожидалась карета. В порыве эмоций я и думать забыла о плаще. Платье из тонкого шелка теперь неприятно липло к телу, а ноги замер-

зли в легких туфлях, которыми я щедро зачерпнула из парочки луж жидкой грязи.

А ведь мне еще придется каким-то образом добираться обратно. Вряд ли господин Норвуд будет столь любезен, что вновь предоставит мне карету, когда получит от меня очередную оплеуху. Ну да ладно. Чай, не сахарная, не растаю.

Повозка неторопливо тряслась по брусчатой мостовой Вилсона. А я вспоминала свою последнюю встречу с Норвудом.

Это был выпускной вечер в академии. Позади десять долгих и трудных лет обучения. Я поступила на факультет начертательной магии двенадцатилетней девчонкой. Мои родители... А, да ладно, скажу как есть. Им было откровенно плевать на мое существование. Точнее, даже не так. Отец и мать больше всего на свете любили развлекаться. Шумные балы, званые приемы, путешествия. Непонятно, как со своим образом жизни они вообще осмелились завести ребенка. Наверное, решили не выделяться. У всех их друзей были дети. Поэтому в один прекрасный день появилась на свет и я. Появилась — и тотчас же была передана кормилице. Потом последовала череда воспитателей, нянек и учителей. Родители предпочитали жить в Вилсоне, где бурлила светская жизнь. Ну а меня оставили в загородном имении. Ребенку ведь нужен свежий воздух. Поэтому видела я их крайне редко, и наши нечастые встречи никогда не продолжались дольше нескольких минут. Потрепать по голове, сунуть леденец, осведомиться об успехах в учебе — разве на это надо много времени? С шести лет меня отдали в частную закрытую школу. Раз в год на новогодние каникулы мне дозволялось вернуться домой. Правда, эту неделю я обычно проводила в окружении слуг. Родители веселились вовсю, кочуя с одной вечеринки на другую. Именно в школе заметили мой магический дар и рекомендовали поступление в академию. Родители не возражали. Думаю, они даже обрадовались, осознав, что еще на целых десять лет будут избавлены от моего присутствия. А там, глядишь, и замуж выдать самый срок. Вот и дитя вырастили, не приложив к этому никаких усилий. Ну, кроме денежных затрат, понятное дело.

В общем, не было ничего удивительного в том, что я все свои силы устремила на учебу. Почему-то казалось, что это

поможет мне завоевать любовь родителей. День и ночь я вгрызалась в премудрости науки, штудировала толстые талмуды, порой ночевала в библиотеке. Благо, что на мои поздние возвращения никто не обращал внимания. Я отчаянно мечтала увидеть гордость в глазах родителей. Услышать хоть слово похвалы. Но... Я ведь уже сказала, что им было плевать на мое существование?

В семнадцать лет я полностью отказалась от денежного содержания родителей и переехала в общежитие. Это был своего рода бунт. Мне не нужны были их подачки. Я мечтала совсем о другом. Думала, что хоть это встряхнет их, заставит вспомнить обо мне.

Все зря. По-моему, они вообще не заметили, что я куда-то съехала. А если и заметили — то лишь обрадовались. Только верная Ингрид, некогда выкормившая меня грудью, а потом, по сути, заменившая мать, всплакнула, собирая мои нехитрые пожитки.

Теперь я должна была обеспечивать себя сама. Нет, каждый месяц я получала чек за подписью отца, но неизменно отправляла его обратно. Где-то в глубине души я продолжала лелеять надежду на то, что мой поступок будет оценен по достоинству.

Как говорится, розовые очки бьются стеклами внутрь. Достаточно скоро я осознала, что все зря. Родители словно забыли о моем существовании. Ну а я забыла о них.

К окончанию академии я стала неплохим специалистом в начертательной магии. Могла с закрытыми глазами изобразить самый сложный защитный круг. Могла за полчаса обезопасить старый-престарый дом, населенный кучей зловредных и древних духов, запечатав пробои, ведущие в нижний мир. Могла... Много чего могла. В общем, отбоя от заказов у меня не было.

Кстати, именно из-за Норвуда я не получила диплом с отличием. Он входил в состав комиссии, которая принимала у нас государственный экзамен по основным видам охранных пентаграмм. Признаюсь честно: я к нему даже не готовилась. Да и зачем? К этому времени на моем счету было несколько сельских погостов, чьи ворота я накрепко замуровала от выхода потусторонней энергии. Естественно, никаких призраков я не упокаивала. Чай, не дурная и прекрасно знаю, где за-

канчивается начертательная магия и начинается магия смерти. Моя задача заключалась лишь в том, чтобы не позволить неуспокоенным душам расползтись по округе. При солнечном свете призраки не опасны, ну а ночью... Ночью о них пусть думает тот, кто имел глупость в это время суток сунуться на кладбище.

Полагаю, Норвуд был осведомлен о моих подвигах. Передо мной отвечали трое. Ни одному из моих однокурсников он не задал ни малейшего дополнительного вопроса. Да что там — он словно дремал, откинувшись на спинку стула и устало смежив веки. Однако стоило мне только сесть напротив комиссии, как оживился. Тогда я впервые ощутила на себе тяжесть его пристального немигающего взгляда.

Норвуд прогнал меня по всему курсу. Придирался к каждому слову, к каждой букве. Заставил меня изобразить десятка два кругов и каждый придиристо изучил, выудив из кармана лупу. Остальные члены комиссии озадаченно помалкивали, даже не пытаясь прервать этот разговор, больше всего напоминающий самый настоящий допрос.

Через час у меня пересохло горло. Я взмокла так сильно, как будто таскала тяжеленные мешки, а не сидела перед столом экзаменаторов. Кипа исписанных листов с моими ответами все росла и росла. Я настолько устала от града вопросов, что в голове гудело. И, естественно, допустила ошибку. Досаднейшую, что самое обидное. Перепутала круг замыкания пятого уровня с кругом третьего. Точнее, сам круг изобразила третьего уровня, а вот символы вокруг него — пятого. В таком сочетании это было не просто бесполезно, но и опасно. Подобное заклинание служило своего рода воротами между нашим миром и миром теней. Изобрази я его в любом другом месте, а не в аудитории, чьи стены едва заметно вибрировали от мощи нейтрализующих чар, установленных настоящими мастерами своего дела, — и случилась бы беда. Круг в мгновение ока иссушил бы меня до дна, держа проход открытым для какой-нибудь потусторонней твари. Она бы вырвалась на свободу, а я бы умерла, так и не успев понять, где же оплошала.

Темно-синие, почти фиолетовые глаза Норвуда полыхнули торжеством, стоило мне только закончить. Я тут же сообразила, что натворила. Попыталась было затереть послед-

ний символ. Но было поздно. Рука, занесенная над рисунком, онемела, от бумаги потянулись зеленоватые отростки чужой магии, сияющей расширить пока еще крохотный прокол до пределов полноценного коридора. Видимо, в мире теней уже притаилось какое-то чудовище, почуявшее, что грань начала ослабевать. Тотчас же что-то гроыхнуло, да с такой силой, что в аудитории послышался испуганный взвизг моих однокурсников, вынужденных маяться бездельем в ожидании затянувшейся очереди на экзаменовку. С потолка посыпалась мельчайшая пыль побелки, и лист на столе вспыхнул бесцветным пламенем, уничтоженный защитой зала.

— Отвратительно, — процедил Норвуд, разглядывая меня с нехорошей ухмылкой. — Эсми Эрвиш, вы в курсе, что за подобное необходимо отправлять обратно на первый курс?

Я молчала, виновато повесив голову и растирая ладонь, к которой медленно возвращалась чувствительность. А что я могла сказать в свое оправдание? Мол, извините, я больше не буду? И потом, я не сомневалась, что любое мое слово Норвуд обратит лишь мне во вред.

— Это самый плохой ответ на моей памяти, — продолжил тот изливать яд. — Потрясающе! Да вас не просто на первый курс отправить надо, а вообще исключить из академии без права восстановления и повторного прослушивания учебного материала!

Среди экзаменаторов пробежал недоуменный гул. Видимо, такая несправедливость и суровость показалась чрезмерной даже для них.

— Господин Эксберри, — неожиданно подал голос невысокий сухопарый старичок, который вел у нас основы первой магической помощи, — ну что вы, право слово! Девочка неплохо держалась. В конце концов, она ответила на все ваши вопросы. И лишь в последнем допустила неточность.

— Не неточность, господин Бруквилд, — поморщившись, фыркнул Норвуд. — А смертельно опасную ошибку! Если бы не щиты, которые, между прочим, я лично устанавливал в этой аудитории перед экзаменом, то жертвы исчислялись бы десятками!

Старичок поежился, переменялся в лице, ощутимо побледнев, и на всякий случай передвинулся подальше от стола, явно перехотев продолжать спор.

— Не нагнетай, Норвуд, — пробасил на сей раз седовласый мужчина солидной комплекции, преподаватель законов энергетического расчета заклинаний. — Девочка просто перереволновалась. Оно и немудрено. Ты на нее так насел.

— Девочка? — Из уст Норвуда это слово прозвучало настоящим оскорблением. — Да будет вам известно, господа, что эта девочка уже несколько лет подрабатывает частными заказами. И ладно бы она забавлялась лишь защитой городских жилых помещений. Но нет, полезла даже на кладбища. А теперь представьте, что было бы, допусти она подобную ошибку на каком-нибудь древнем погосте, чей потенциал и без того зашкаливает и опасно приближается к появлению какой-нибудь нечисти. Или напомнить, чем все закончилось в Дромбурге?

В аудитории послышался взволнованный шепоток. Экзаменаторы согласно переглянулись и помрачнели. А я еще ниже опустила голову, носом почти уткнувшись себе в грудь.

Потому что не было здесь того, кто не понял бы, о чем толкует Норвуд. Настоящий позор факультета начертательной магии, о котором не забыли и спустя без малого тридцать лет после печального происшествия. Повезло тем жителям маленького городка, которые погибли сразу. Увы, таковых оказалось всего пару человек. А подавляющее большинство в течение нескольких минут оказалось заражено грибковой плесенью. Той самой гадостью, которая буквально заживо сжирает человека за неполные сутки, оставляя после себя лишь высохшую мумию. Весьма, к слову, бойко передвигающуюся и еще активнее нападающую.

Боевым магам и некромантам тогда пришлось огнем вычищать всю округу. Целых пять лет действовал карантин с наистрожайшим запретом пересекать зону отчуждения. Заплутавших грибников и охотников, которых нелегкая принесла к границе, первый год так вообще сжигали на месте, не давая ни малейшего шанса подойти и объяснить. Уже гораздо позже бедолаг начали отправлять в лазарет на длительную изоляцию. Понятное дело, никто не протестовал. Уж

лучше провести месяц под замком, чем в мгновение ока превратиться в головешку.

К слову, причины трагедии стали известны почти сразу. Компания студентов выпускного курса факультета начертательной магии вздумала развлечься и отработать несколько кругов на кладбище около родного городка. Так сказать, подготовиться к экзамену. Естественно, без алкоголя дело не обошлось. А спиртное — далеко не лучший помощник в деле начертания сложных геометрических фигур. Или рука дрогнет, или символ не тот выйдет. А скорее — и то и другое вместе.

Как сказал единственный выживший, они не хотели дурного. Для них это было своего рода развлечение — безопасным на первый взгляд способом пощекотать нервы. Ну и завлечь хорошеньких девушек-сокурсниц на позднюю прогулку. Ночь, полная луна, таинственное кладбище, трепетание свечей на легком теплом ветерке... Самая романтическая из всех возможных обстановок.

Никто из них и представить не смел, что шалость окончится такой трагедией. Лишь одному из компании повезло уцелеть. Чудом. В ту ночь он выпил больше других, потому до кладбища так и не дошел. Свалился в кусты и захрапел. Ну а друзья здраво рассудили, что незачем тащить бесчувственное тело. Чай, лето на дворе, не замерзнет. Но на всякий случай соорудили вокруг него защитный контур, призванный уберечь покой бедолаги. Нет, не от диких зверей. Их в окрестностях Дромбурга давным-давно не видели. Зато комары докучать не будут.

Кто бы тогда знал, что эта шуточная забота в итоге действительно спасет ему жизнь.

Впрочем, я немного отвлеклась от воспоминаний. В общем, я сидела напротив Норвуда, не смея поднять на него глаз, и лишь каким-то чудовищным усилием воли удерживала себя от слезной истерики.

Это было нечестно! Понимаете? Нечестно! И больше всего я переживала не из-за диплома с отличием, которого мне теперь было не видать как собственных ушей. Сильнее всего страшило то, что Норвуд приведет в исполнение свою угрозу. И добьется моего бесславного исключения из академии с невозможностью дальнейшего восстановления. Я не могла,

не хотела возвращаться домой с таким позором. Да, родители не сказали бы мне и слова упрека. Они бы просто не заметили меня, как не замечали всю жизнь. Диплом прежде всего гарантировал мне независимость. Возможность и дальше жить самостоятельно, отказавшись от семьи, которая давным-давно отказалась от меня.

— А, так вот в чем дело, — внезапно нарушил напряженную вязкую тишину все тот же седовласый мужчина и хихикнул. — Норвуд, дружище, уж не потому ли ты так взъелся на бедняжку, что она осмелилась посягнуть на твой хлеб? Неужто Эсми Эрвиш была настолько неосмотрительна, что перехватила у тебя парочку выгодных заказов?

Среди экзаменаторов послышались смешки, и я осмелилась бросить на Норвуда быстрый взгляд. Только сейчас я сообразила, что месяц назад уже слышала его имя от одной своей заказчицы. Она наняла меня для сущего пустяка — установки оберегов на двери своего городского особняка. И при этом постоянно жаловалась на произвол Норвуда Эксберри, который, пользуясь тем, что возглавлял магическую инспекцию по оказанию бытовых колдовских услуг населению и, по сути, являлся монополистом в подобного рода вещах, заломил просто-таки неслыханную цену за такую работу.

— Не потому. — Норвуд метнул на мужчину настолько свирепый взгляд, что тот мгновенно перестал улыбаться и с преувеличенным вниманием принялся листать экзаменационные бланки. Отчеканил в наступившей звенящей тишине: — И вообще, властям в кратчайший срок предстоит разобраться, имела ли право Эсми Эрвиш на подработку подобного толка. Установка оберегов с использованием начертательной магии входит в перечень услуг, на выполнение которых надлежит получить разрешение городских властей. Прежде всего из-за того, что дилетантство в подобного рода вещах недопустимо и может привести к настоящей трагедии!

А вот тут я заволновалась всерьез. Потому что, понятное дело, никакой лицензии у меня и в помине не было. Для ее получения требовалось, во-первых, иметь тот самый диплом, чья судьба сейчас повисла на волоске. Во-вторых, пройти дополнительные испытания на открытие квалификаци-

онного сертификата. И, в-третьих, заплатить в казну города некую такую сумму. Поэтому, собственно, выпускники моего факультета и не думали об открытии самостоятельного дела. Да и соблюдение всех этих условий отнюдь не гарантировало успех сей затеи. Королевская власть не терпит конкуренции в колдовских делах. Есть магический надзор, в его составе имеется соответствующая инспекция. Вот туда и надлежит обращаться при возникновении подобной надобности. Благо хороших специалистов по начерталке готовы были с руками оторвать на государственной службе и на зарплату им не скупились.

— И у вас доказательства ее незаконной деятельности, стало быть, тоже имеются? — с мягкой иронией спросил на сей раз Бруквильд. Тут же продолжил, не дожидаясь ответа некроманта: — Сильно сомневаюсь, господин Эксберри. Потому что в этом случае девочка сидела бы не перед нами, а в магическом надзоре на допросе. Позвольте напомнить старую прописную истину: не пойман — не вор.

Я быстро и благодарно взглянула на старичка. Тот лукаво улыбнулся мне и едва заметно подмигнул. В общем, спор не утихал еще долго, но в конечном счете было решено поставить мне тройку. Думаю, во многом такая благосклонность преподавателей была вызвана тем, что Норвуда в стенах моего учебного заведения, мягко говоря, недолюбливали. Но были обязаны приглашать на экзамены, поскольку Норвуд Эксберри был обласкан королевской властью, входил в состав совета магического надзора и считался одним из лучших специалистов по применению начертательной магии в быту.

Я передернула плечами, на мгновение вынырнув из неприятных воспоминаний. Надо же, сколько времени прошло, а до сих пор обидно от той несправедливости! Я прекрасно понимала, что Норвуд завалил меня на экзамене из-за вредности и желания проучить строптивую студентку, имевшую глупость ненароком перейти ему дорогу. Что ему тот заказ, который в итоге выполнила я? Я получила-то за него всего десяток золотых.

И тем большим было мое удивление, когда на следующий день после неудачного экзамена я получила приглашение на собеседование в инспекцию, которую возглавлял Норвуд.

Конверт из плотной дорогой бумаги ожидал меня на столе в накрепко запертой комнате, хотя мои соседи по общежитию клялись, что никого не видели. Внутри оказалась сухая лаконичная записка:

«Эсми Эрвиш завтра в девять утра надлежит присутствовать на встрече с Норвудом Эксберри по вопросу ее дальнейшего трудоустройства в магическом надзоре».

Надо же, я порвала записку сразу, а до сих пор помню каждое ее слово. Естественно, я и не подумала никуда идти. Да я весь вечер прорыдала от полученной на госэкзамене отметки! И после этого по доброй воле отправиться на прием к Норвуду?! Еще, не приведи небо, он принял бы меня на работу. Честное слово, такого начальника и врагу не пожелаешь.

А еще через неделю состоялась наша знаменательная встреча на балу, посвященном выпуску из академии. По очевидным причинам я не любила подобных мероприятий. Слишком обижена была на родителей, для которых любой прием был намного важнее, чем даже самая тяжелая болезнь единственной дочери. Но не пойти туда не могла. Даже выбрала себе красное обтягивающее платье с широким кожным кушаком, которое неплохо сидело на моей фигуре.

Мое настроение, и без того не особо радужное, окончательно испортилось, когда я увидела Норвуда. Господин Эксберри в угольно-черном камзоле, который так шел ему, о чем-то негромко переговаривался с ректором академии. При всей своей неприязни к некроманту я не могла не признать, что этим вечером он выглядел особенно привлекательно. Что, естественно, было оценено студентками по достоинству. Однокурсницы шептались вокруг меня, обсуждая хищную красоту Норвуда, и я, не утерпев, все-таки кинула на него взгляд. По закону подлости в тот же миг он посмотрел на меня. И я смутилась чуть ли не до слез, когда увидела, как на его губах заиграла насмешливая улыбка.

— Ой, у него и ямочки на щеках есть! — восторженно пискнул кто-то за моей спиной. — Прелесть какая!

Я одним глотком осушила бокал вина и твердо решила уйти с бала при первой же удобной возможности. Пара танцев — и спокойно можно будет улизнуть. Все равно меня вряд ли кто-нибудь пригласит.

Я ошибалась. Меня пригласили на первый же танец. И пригласил именно Норвуд Эксберри...

Меж тем карета протяжно заскрипела, останавливаясь. Снаружи послышалось усталое фырканье лошади.

— Приехали. — Дверца кареты распахнулась, и кучер — невысокий полный мужчина в непромокаемом черном плаще с низко надвинутым на глаза капюшоном — с треском раскрыл зонтик.

Резкий порыв ветра тут же выгнул спицы наружу, и кучер, не удержавшись, замысловато ругнулся.

Я выбралась из кареты и отправилась к дому, не дожидаясь, пока сопровождающий справится с зонтом. Терять мне все равно было нечего. От макияжа и укладки давным-давно ничего не осталось, ну а платье просто не успело просохнуть. К тому же злость и желание как можно быстрее высказать в лицо мерзкому Норвуду все, что я о нем думаю, настолько переполняли меня, что я и думать забыла про дождь. Одной оплеухой этот тип точно не ограничится! Пожалуй, будет неплохо на него жалобу написать. Будет знать, как азартными играми увлекаться. Не самое лучшее хобби для представителя государственной власти. Сегодня он играет на то, чтобы провести с кем-то ночь, а завтра в результате проигрыша все секреты магического надзора какому-нибудь шпиону выложит!

От бешенства у меня настолько тряслись пальцы, что я не сразу схватила дверной молоток. Зато потом яростно забарабанила им, да так, что ближайшее окно жалобно задребезжало.

К сожалению, я успела сделать всего несколько ударов, как дверь распахнулась, и на пороге предстал сам Норвуд Эксберри собственной персоной.

Некромант явно ждал меня в гости, поскольку был в той же одежде, что и в ресторане, где развел Чарльза на злополучную партию. Воротник и лацканы рубашки, выглядывающие из-под темного камзола, сверкали белизной, на тонких холеных пальцах холодным огнем бриллиантов сверкали массивные серебряные перстни.

— Эсми Эрвиш, — почти пропел Норвуд, и его темно-синие глаза заискрились от затаенного смеха. — Вот так приятный сюрприз!

— Вы! — прошипела я и невежливо ткнула указательным пальцем в грудь некроманта. — Вы гнусный, мерзкий, отвратительный тип! С чего вы решили, будто я буду спать с вами из-за долга Чарльза? Сами с ним разбирайтесь!

— О, как я понимаю, ваш жених передал вам мою просьбу. — Норвуд улыбнулся чуть шире.

— Чарльз мне больше не жених! — Я гордо вскинула голову и вдруг увидела, как глаза некроманта вспыхнули странным огнем.

Что это с ним? Как будто он обрадовался моим словам. Но какое ему дело до моих отношений с кем бы то ни было?

— И в любом случае с вашей стороны это крайне недостойно! — отчеканила я. — Просто в уме не укладывается, что один из руководителей магического надзора забавляется такой пошлостью!

В этот момент небеса надо мной расколола ярко-белая ветвистая молния. Почти сразу ударил гром, и ливень полил с новой силой.

Очередной порыв ветра ударил меня в спину, пробрав до мозга костей. Я вздрогнула всем телом, невольно обхватив себя руками в тщетной попытке хоть немного согреться.

— Заходите, — внезапно потребовал Норвуд и посторонился.

— Вы с ума сошли? — Я зло прищурилась. — Да я...

— Вы замерзли, — перебил меня Норвуд. — И вымокли. Прежде чем мы продолжим разговор, я хочу, чтобы вы переоделись в сухое и выпили горячего вина. Иначе действительно окажетесь в постели. Только в обнимку не со мной, а с градусником.

— Я не собираюсь пить с вами вино! — Я гордо вздернула подбородок. — Более того, я немедленно...

— Вы немедленно зайдете в дом. — Норвуд даже не повысил голос, но проговорил это с таким нажимом, что я едва не шагнула вперед с покорностью.

— И не подумаю! — огрызнулась я, в последнее мгновение опомнившись и попятившись.

— Эсми Эрвиш. — Голос некроманта внезапно изменился. Теперь он лился вокруг меня подобно горячему меду. Обволакивая, успокаивая, убаюкивая. — Я понятия не имею, каких ужасов вам наговорил ваш жених.

Я вскинулась было возразить, и Норвуд тут же исправился:

— Точнее, ваш бывший жених. Я действительно предложил ему простить карточный долг, но не за ночь с вами. Точнее, за ночь, но в другом смысле слова.

— Как это? — настороженно переспросила я.

— Мне нужна ваша консультация как специалиста по нарцательной магии, — мягко проговорил Норвуд.

— Специалиста? — Улегшееся было негодование с новой силой всколыхнулось в моей душе. От давным-давно пережитой обиды задрожали губы. — Удивительно это слышать! Ведь некогда вы заявили, будто меня надлежит исключить из академии без права восстановления!

— Неужели еще злитесь на меня за ту тройку? — искренне изумился Норвуд. — Ну надо же! Я и не думал, что вы настолько злопамятны.

По-моему, он издевается надо мной!

— Да вы... вы... — От гнева перехватило дыхание. Я запнулась, сиюсь подобрать ругательство позакковыристее.

Новый раскат грома поглотил мои слова. От неожиданности я чуть не присела, лишь невероятным усилием воли удержав себя от желания трусливо прикрыться руками — настолько неожиданно и грозно он прозвучал. На какой-то миг почудилось, будто над моей головой что-то взорвалось.

И тут же Норвуд схватил меня за локоть. Не церемонясь, насильно втоптал в дом, не обращая ни малейшего внимания на мои отчаянные попытки высвободиться из его хватки.

— Так-то лучше, — пробормотал он, захлопнув дверь. — Ваше упрямство, госпожа Эрвиш, воистину не знает пределов.

Тотчас же шум ненастья затих, став далеким и каким-то нестрашным. Здесь, в теплой сонной тишине дома, я вдруг осознала, насколько замерзла. Отчаянно застучала зубами.

— Вы не имеете никакого права... — с трудом выдавила из себя и воинственно сжала кулаки, готовая защищать свою честь до последнего.

— Клянусь своим даром, что мне нужна от вас только консультация, — перебил меня Норвуд. Кашлянул и чуть слышно добавил: — По крайней мере, сегодня.

Я недоверчиво покачала головой. Прославленный некромант, глава магической инспекции по применению заклинаний в быту, один из членов совета практически всесильного магического надзора, обратился ко мне за консультацией? Ко мне, которая после окончания академии и дня не проработала по специальности? Да кого он хочет обмануть?

— Я все объясню, — добавил Норвуд. — С превеликим удовольствием отвечу на все ваши вопросы, Эми Эрвиш. Но сперва я хочу, чтобы вы переоделись. На вас же без слез не взглянешь!

Я мрачно насупилась. Только сейчас я сообразила, как отвратительно выгляжу. Особенно по сравнению с цветущим, холеным и явно довольным собой Норвудом. От укладки и следа не осталось. Мокрые волосы висят неопрятными сосульками. Под глазами наверняка жуткие черные круги от потекшей туши. Про платье и говорить нечего.

— Хотя... — Норвуд прищурился и окинул меня откровенно оценивающим взглядом. — Кое-что в вашем облике, несомненно, заслуживает моего внимания.

Я недоуменно сдвинула брови, опустила глаза, пытаюсь понять, куда он так уставился. И тут же ахнула от возмущения.

Влажный шелк тонкого платья бесстыже льнул к моей коже, вызывая обрисовав малейшие выпуклости фигуры и не оставив никакого простора для фантазии. Я мгновенно скрестила руки, прикрыв грудь, с вызовом посмотрела на Норвуда, на губах которого играла легкая улыбка.

— Эмили проводит вас, — проговорил он. — Приведите себя в порядок. Иначе я подумаю, что вы и впрямь решили заплатить за долги Чарльза Глога телом и пытаетесь оболстать меня.

Вот ведь нахал! Я вспыхнула от возмущения, открыла рот, намереваясь послать наглеца ко всем демонам, но перехватила его смеющийся взгляд — и осеклась.

А, да ладно. Норвуд в некотором смысле слова прав. Переодеться мне действительно не мешает. Так замерзла, что совершенно не чувствую пальцев ног. И потом, очень сомневаюсь, что господин Эксберри набросится на меня и возьмет силой. Самой любопытно, что ему от меня потребовалось.

— И не переживайте за свою честь, госпожа Эрвиш, — прохладно обронил Норвуд, видимо желая развеять мои последние сомнения. — У меня нет привычки заманивать симпатичных девушек к себе домой для разных гнусностей.

— Ну да, конечно, — все-таки не удержалась я от язвительной реплики. — Зато у вас есть привычка заманивать недавних студенток в темные аудитории для разных гнусностей.

Не в бровь, а в глаз, как говорится! Ишь как Норвуда проняли мои слова. Хоть он и силился удержать на губах равнодушную отстраненную улыбку, но кончики рта поползли вниз.

— Это была досадная ошибка с моей стороны, — после короткой паузы проговорил он. — И, если мне память не изменяет, я перед вами уже извинился за это.

— После того как получили пощечину, — с превеликим удовольствием напомнила я.

На это Норвуд не успел ничего ответить, поскольку в прихожую вошла девушка. И я с сарказмом фыркнула.

Кто бы сомневался! Та самая особа, которая так упорно удерживала меня в уборной комнате, пока Норвуд вешал лапшу на уши Чарльзу.

— Простите. — Девушка виновато улыбнулась, подойдя ближе. — Надеюсь, вы не в обиде на меня, госпожа Эрвиш?

Я промолчала. Кинула последний взгляд на широко улыбающегося Норвуда и отправилась вслед за Эмили.

ГЛАВА 3

Я так замерзла, что теплая вода поначалу обожгла меня. Но, стиснув зубы, я выкрутила вентиль на полную и запрокинула голову, подставив лицо под упругие струи душа.

Надо признать, Норвуд Эксберри привык жить на широкую ногу и не экономил на огненных заклетьях. Ванная комната просто-таки неприличных размеров была наполнена горячим влажным паром. Когда я скинула безнадежно испорченные туфли, то с удивлением осознала, что каменная плитка приятно греет ступни.

Еще больше меня заинтересовали полки, на которых ровными рядами были расставлены десятки всевозможных косметических средств. Лосьоны, шампуни, бальзамы, драгоценнейшие ароматические масла...

Да уж. Судя по всему, женщины — частые гости в доме Норвуда Эксберри. Потому что вряд ли сам некромант так пристально следит за новинками косметологии.

Ну и ладно. Ну и подумаешь. И вообще, какое мне дело до личной жизни господина Эксберри?

Я со злостью принялась тереть кожу мочалкой. Но в памяти сама собой всплыла темная аудитория, куда меня пригласил для частного разговора Норвуд. Честно говоря, я хотела отказаться. Подумала, что он опять заведет речь о моем досадном промахе на экзамене. Но он сумел меня заинтриговать туманным намеком, что эта беседа очень важна для моего будущего.

А потом...

Я зашипела, когда пошла слишком горячая вода. Увернула вентиль и замерла, закрыв глаза.

Глаза Норвуда словно светились в темноте. В полумраке его улыбка лишь угадывалась. Меня окутывал приятный свежий аромат его парфюма, от которого дурманило голову. Голос лился так мягко и бархатно, что по коже пробежали теплые мурашки. Да еще этот проклятый бокал вина, выпитый на голодный желудок...

Кто из нас сделал первый шаг? За прожитый с того вечера год я почти убедила себя в том, что Норвуд. Но где-то очень глубоко в памяти остался миг, когда я сама подалась к некроманту. Его руки сомкнулись на моей талии, и сердце замерло от ужаса, смешанного наполовину с восторгом, когда мои губы ощутили легчайший невесомый поцелуй.

И тут Норвуд совершил ошибку. Чуть слышно прошептал с откровенным превосходством:

— Хорошая моя девочка.

Девочка? Меня тогда словно хлестнули наотмашь. Тотчас же вспомнился экзамен. Язвительные слова Норвуда, которые ранили сильнее стали. Попытки остальных членов комиссии защитить меня.

Я попыталась отстраниться, но Норвуд лишь крепче прижал меня к себе. Опять потянулся к моим губам, напоследок насмешливо обронив:

— Рад сообщить, что вопрос твоего трудоустройства решен. Уверен, что мы отлично сработаемся.

Последнее очарование романтического момента пропало, как будто его и не было. Чары, слетевшие с моих пальцев, особенно больно резанули по глазам, уже привыкшим к темноте. Заклятие угодило прямо в грудь Норвуду. С приглушенным стоном он отшатнулся, а затем я вlepила ему пощечину. И гордо удалилась...

«Угу, как же, гордо, — возмутился глас рассудка. — Скажи честно — постыдно сбежала, от спешки едва не переломав каблук!».

Я досадливо поморщилась. Ну да. Мой уход вряд ли можно назвать гордым отступлением. Наверное, если бы Норвуд хотел, то без проблем остановил бы меня. Однако я беспрепятственно выскочила из аудитории. Перепуганной ланью, уходящей от опытного опасного охотника, промчалась по пустынным коридорам академии. И немного успокоилась только в карете, которая увезла меня в общежитие.

А на следующее утро я получила два письма. В одном из них Норвуд приносил свои извинения за недостойное поведение, оскорбившее меня. А в другом...

Я вылезла из ванной и взяла в руки расческу. Пару раз с силой провела ею по волосам. Протерла ладонью запотевшее зеркало, угрюмо взглянула на свое отражение и лишь после этого вернула себя в прошлое.

В другом письме было сообщение о гибели моих родителей.

Через несколько минут я уже спускалась по лестнице в гостиную. На мне красовался огромный махровый халат, любезно принесенный Эмили. Судя по едва уловимому аромату, исходившему от него, он явно принадлежал Норвуду. Не самый лучший вариант, но другого мне просто не предложили. Эмили вроде как с искренним огорчением сообщила, что мое платье будет готово лишь к утру. Оно и неудивительно, учитывая, во сколько луж я влезла, торопясь высказать некроманту свое возмущение.

В гостиной пылал камин. Иллюзорное заклинание удивительно точно передавало треск поленьев и танец оранжевых всполохов пламени. Рядом с камином я увидела Норвуда. Некромант баюкал в раскрытой ладони бокал, пристально глядя в огонь, чьи отблески танцевали на дне его зрачков.

— И какая же консультация вам от меня потребовалась, господин Эксберри? — спросила я, остановившись практически на пороге.

Норвуд вздрогнул, словно не услышав моих шагов. Посмотрел на меня и приветливо улыбнулся.

— Вы бы еще из холла меня спросили, — проговорил он. — Подойдите ближе, госпожа Эрвиш. Не бойтесь, я не кусаюсь.

Я нехотя сделала шаг, другой. И вновь остановилась, исподлобья уставившись на Норвуда.

— Вина? — предложил он. — Горячего. С корицей и травами.

Я неопределенно повела плечами, и некромант тут же скользнул к столику с напитками, видимо сочтя мой жест за знак согласия. Затем, медленно и осторожно ступая, подошел ко мне и вручил бокал.

Наши пальцы на неуловимый миг соприкоснулись. Лишь каким-то чудом я не отдернула руку. Сразу же рассердилась на себя.

Да что со мной такое? Норвуд прав. Он не укусит меня. Да и вряд ли он позволит себе приставать ко мне. Слишком дорожит репутацией.

— Прежде всего позвольте выразить вам свои глубочайшие соболезнования из-за смерти родителей. — Передав бокал, Норвуд остался стоять рядом. — Простите, что не сделал этого раньше. Но наша последняя встреча закончилась слегка... э-э... негативно.

— Ваши соболезнования приняты, — холодно сказала я.

— Насколько я знаю, вы продали родительское имение в пригороде Вилсона и городской дом, — продолжил Норвуд с любопытством. — Почему?

— Слишком много воспоминаний, — коротко сказала я, начиная злиться. Кашлянула и добавила еще суше: — Извините, господин Эксберри, но я не намерена обсуждать с вами эту тему.

— О, простите. — Норвуд виновато кивнул. И надолго замолчал.

Мои зубы отчетливо застучали по хрустальной кромке, когда я пригубила бокал. Близость некроманта нервировала. В голову сразу же полезли всякие непрошенные мысли.

— Так о какой консультации вы говорили? — спросила я, нарушив затянувшуюся паузу. — И почему вам потребовалась именно я?

— Потому что вы были лучшей студенткой на своем курсе, — проговорил Норвуд.

— Да неужели? — Я с сарказмом хмыкнула. — Напомнить, что вы сказали мне на экзамене?

— Надеюсь, вы не будете спорить, что действительно совершили очень серьезную ошибку? — парировал Норвуд. — Причем, заметьте, в реальности она стоила бы жизни не только вам. — Он чуть повысил голос, заметив, как я вскинулась возразить. — И оправдания про усталость выглядят в данной ситуации смешно и нелепо. Не мне вам объяснять, насколько напряженной и опасной бывает работа по запечатыванию провалов в нижний мир. Сравните сурового преподавателя, который гоняет вас по всему курсу, и голодного духа, рвущегося прорваться через барьер и вселиться в чье-нибудь тело.

— Тогда я опять спрашиваю: зачем вам моя консультация? — огрызнулась я. — Не бойтесь, что в итоге кто-нибудь пострадает из-за моего невежества?

— Не боюсь, — мягко сказал Норвуд. — Я ведь прошу просто совета, а не отправляю вас на задание.

Я сделала еще глоток, силясь успокоить разбушевавшиеся нервы.

Почему, ну почему мне так тяжело выдерживать близость Норвуда? Он просто стоит рядом. Ничего не делает. Но проклятое сердце уже умудрилось рухнуть в пятки и прочно там обосновалось. Да и руки трясутся от волнения. Если Норвуд попросит меня сейчас нарисовать какой-нибудь круг, то я лишь опозорюсь. Боюсь, не сумею вывести правильно ни одного символа.

— Неужели в вашем ведомстве мало специалистов? — задала я новый вопрос.

— В моем ведомстве достаточно специалистов, — как-то очень уклончиво протянул Норвуд. — Но обстоятельства

складываются таким образом, что я не желаю к ним обращаться. Так сказать, не уверен в их... э-э... компетенции.

— Тем более. — Я пожала плечами. — Раз уж ваши сотрудники не могут разобраться с этой проблемой, то почему вы уверены, что мне это под силу?

— А я не уверен, — проговорил Норвуд. — Совершенно не уверен. Даже более того, думаю, что вы не справитесь с задачей.

Вот ведь... нехороший тип! На какой-то миг мне почудилось, будто я опять вернулась в аудиторию. И опять сижу напротив экзаменационной комиссии, выслушивая, как Норвуд распекает меня.

— Только не обижайтесь, — добавил Норвуд таким снисходительным тоном, что я немедленно обиделась пуще прежнего. — Все-таки как ни крути, но вы целый год не практиковались, и думать забыв о начертательной магии. Почему, кстати?

— Потому что, — сухо сказала я, не желая распространяться на эту тему.

— Ах, ну да. — Норвуд сочувственно улыбнулся. — Полагаю, после гибели родителей вы перестали нуждаться в деньгах. По крайней мере, до того момента, как встретили Чарльза Глога.

Я задумчиво посмотрела на свой бокал. Выплеснуть, что ли, остатки вина прямо в лицо Норвуду? Просто уму непостижимо, как этот тип меня раздражает! Ни капли такта и сочувствия.

— Нет, я оставила занятия начертательной магией по другой причине, — подчеркнуто ровно сообщила я. — Но это не ваше дело.

Норвуд выжидающе изогнул бровь, но продолжения с моей стороны не последовало. Еще не хватало — изливать душу этому мерзкому типу. Как-то не тянет он на роль жилетки, в которую можно выплакаться. Не говорить же ему, что после полученной на экзамене выволочки я стала бояться ошибок. Самый простой круг отнимал у меня кучу времени и сил, потому что я вновь и вновь перепроверяла и выверяла каждый символ. А потом все равно не смела замкнуть его. Знала, что все верно, но до боли в глазах вглядывалась в

почти завершенную печать, придирчиво выискивая малейший огрех в строгом начертании линий.

К тому же — что скрывать очевидное? — в некотором смысле Норвуд был прав. Смерть родителей сделала меня более чем обеспеченной девушкой. Мне больше не надо было искать выгодные заказы, чтобы заработать себе на жизнь. Но самое главное — мне больше некому и нечего было доказывать. Родители навсегда ушли в мир теней, и мои хрупкие надежды на то, что однажды они назовут меня гордостью семьи, окончательно разбились.

— Кстати, а почему вы начали встречаться с этим самым Чарльзом? — не унимался в расспросах Норвуд.

— А это тем более не ваше дело, — огрызнулась я.

— Так-то оно так, но... — Норвуд отошел к столику и плеснул себе еще вина. Вопросительно посмотрел на меня, но я отрицательно мотнула головой. Только напиток в присутствии этого типа мне не хватало. А мужчина тем временем продолжил: — Извините меня за нескромное любопытство, госпожа Эрвиш. Однако я никак не могу понять, как столь умная девушка попала на удочку такого прожженного мошенника и игрока.

— Мошенника? — переспросила я.

— Думаете, вы первая дурочка, которая оплачивала долги Чарльза Глога? — Норвуд презрительно фыркнул. — Отнюдь. Не первая, полагаю, и не последняя. Да вы же на него почти все свое состояние спустили! Неужели вам так запала в сердце его смазливенькая мордашка?

— Вы удивительно хорошо осведомлены о моей личной жизни и о состоянии моих финансов, — резко осадил я разошедшегося Норвуда. — Вы следили за мной?

Норвуд опустил взгляд. Несколько раз лениво качнул бокал, как будто наслаждался танцем рубиновых бликов огня в ярко-алой глубине его. Затем опять посмотрел на меня.

— Я приглядывал за вами, — проговорил он. — Эсми Эрвиш, вы едва не попались на ведении незаконной магической практики. Да, не пойман — не вор, как верно сказали на экзамене, который вы едва не провалили. Но и вы знаете, и я знаю, что вы делали это. И я должен был убедиться, что эти преступные забавы вы оставили в прошлом.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ВЫИГРЫШ С ХАРАКТЕРОМ	5
Часть вторая. ЗАМОК С ПРИВИДЕНИЯМИ	72
Часть третья. ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ	155
Часть четвертая. ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ	221
<i>Эпilog</i>	278